

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-85-90

«ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, А НЕ ЖУТКОЕ СНОВИДЕНИЕ» (ПИСЬМО Е. К. ЦВЕТКОВСКОЙ К В. Ф. ЗЕЕЛЕРУ)

(ПУБЛИКАЦИЯ © К. М. АЗАДОВСКОГО)

О последних пяти годах жизни Бальмонта (1937–1942), проведенных в Нуази-ле-Гран (под Парижем), известно сравнительно мало, что было отмечено еще первыми биографами поэта.¹ При этом, публикуя новые и редкие сведения, П. В. Куприяновский и Н. А. Молчанова опирались, в частности, на письма Елены Цветковской (1907–1944),² третьей жены поэта, самоотверженно делившей с ним тревоги и тяготы эмигрантской жизни: безденежье, нужду, болезни...

Роль Елены Цветковской в жизни Бальмонта — отдельная тема, безусловно, требующая внимания. Спутница Бальмонта в его путешествиях 1900-х и 1910-х годов, Цветковская была и всегда оставалась служительницей боготворимого ею Поэта: верной и преданной помощницей, первой слушательницей его новых произведений, правительницей его литературных и бытовых дел. С годами — по мере того как поэт слабел и все более нуждался в посторонней помощи — Цветковская становится основной и, по сути, единственной жизненной опорой Бальмонта. Это со всей очевидностью проявилось в последнее пятилетие, когда Бальмонт-поэт окончательно замолк и уже не мог зарабатывать литературным трудом. Начинается период угасания, отягченный душевным заболеванием. Поселившись в Нуази-ле-Гран, Бальмонт и Цветковская ведут, в сущности, полунищенское существование; основной источник — субсидии (пенсии) от чешского и югославского правительств, поступающие нерегулярно, с перебоями. Друзья и почитатели Бальмонта пытаются ему помочь, создают Комитет помощи престарелому поэту, собирают деньги; организационные хлопоты берет на себя Союз русских писателей и журналистов и редакция газеты «Последние новости». Соединительным звеном между Бальмонтом, живущим почти безвыездно в Нуази-ле-Гран, и внешним миром неизменно остается Елена Цветковская, ведущая в эти годы и деловую, и личную переписку поэта — от его имени и во имя его спасения.

Интерес к личности многолетней и самоотверженной спутницы Бальмонта наметился лишь недавно, и прежде всего в связи с ее письмами.³ Яркие и эмоциональные, они примечательны не только своим содержанием, но и своей стилистикой, не свободной от влияния Бальмонта, но в то же время

¹ См.: Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 429.

² Датой смерти Е. К. Цветковской обычно указывается 1943 год. В действительности — февраль 1944 года. См. письмо Б. К. Зайцева к В. Н. Буниной от 16 февраля 1944 года: «Сегодня хоронят Елену Бальмонт. Она на год, значит, пережила мужа» (*Зайцев Б. К.* Собр. соч.: [В 11 т.]. М., 2001. Т. 11 (доп.). Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников / Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. С. 137–138).

³ См.: *Бонгард-Левин Г. М.* Письма К. Д. Бальмонта Б. К. Зайцеву // Проблемы всемирной истории: Сб. статей в честь Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2000. С. 28–36 (в составе публикации — пять писем Е. К. Цветковской за 1935–1942 годы); несколько фрагментов и письмо Цветковской к И. С. Шмелеву от 20 июня 1936 года приводятся в кн.: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926–1936 / Изд. подг. К. М. Азадовский и Г. М. Бонгард-Левин. М., 2005. С. 155, 192, 326, 338–339; четыре письма — в тексте публикации: Письма К. Д. Бальмонта к И. С. Шайковичу (1935–1938). Письма Е. К. Цветковской к В. П. и И. С. Шайковичам (1935) // Русская литература. 2019. № 4. С. 167, 169–177.

достаточно индивидуальной. Елена Константиновна была не лишена литературных способностей, что не раз отмечал и Бальмонт.

Письма содержат сведения о совместной жизни Бальмонта и Цветковской в Нуази-ле-Гран: подробности о пансионе «Русский Дом», приютившем поэта в 1937 году, последующей перемене жительства, несчастьях и бедах, не раз постигавших в 1930-е годы их дочь Мирру (1907–1970), об окружении Бальмонта на закате его жизни... В них запечатлены боль и горечь той безвыходной ситуации, в которой оказался Бальмонт на склоне своих дней. Собранные воедино, они могли бы составить хронику последнего пятилетия, скорбное повествование о медленном угасании поэта.

Среди тех, кому писала Цветковская во второй половине 1930-х годов, выделяется Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954), журналист, юрист, общественный и политический деятель; генеральный секретарь Союза русских писателей и журналистов в Париже (1920–1940; после 1945 года).⁴ В течение ряда лет Зеелер деятельно поддерживал бедствующего поэта (как, впрочем, и других русских писателей): устраивал его выступления, собирал для него средства и распоряжался ими. В 1951 году опубликовал статью его памяти.⁵ Сохранились письма и целый ряд стихотворных посланий Бальмонта, содержащих глубочайшую благодарность Зеелеру за его благодеяния,⁶ а также около десятка расписок за 1932–1941 годы, подтверждающих получение денежных ссуд и пособий от В. Ф. Зеелера (точнее, из кассы Союза русских писателей и журналистов) «на уплату *срочного* и *неотложного* долга за хлеб насущный».⁷

Зеелер неоднократно приезжал в Нуази-ле-Гран, чтобы навестить Бальмонтов, чья жизнь протекала в то время особенно тяжело и тревожно. Дыхание войны уже носилось в воздухе, ее близость ощущалась повсеместно, и Бальмонт с Цветковской, читая газеты, внимательно следили за ходом событий и взволнованно размышляли о будущем.

«С недоумением и тревогой, — писала Цветковская Зеелеру 29 августа 1939 года, — смотрю в наше ближайшее будущее, возможно, уже вовсе безгрошное, <как> <как> если совсем уже надвинувшаяся гроза войны — безумная — разразится, тогда, вероятно, и малая наша сербск<ая> пенсия⁸ прекратится... Впрочем, ничтожна, конечно, наша личная бедихка по сравнению с тем жутким роком, который настагает сейчас Европу и все человечество. <...> В Noisy нашем водворилась целая батарея артиллерийск<ая> — 600 солдат и штук 20 пушек — огромных, дальнобойных. Более половины мужчин местного населения уже мобилизованы и отбыли. И каждый день все новые-

⁴ О В. Ф. Зеелере см.: Российское Зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. М., 2008. Т. 1. А — К / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. С. 586.

⁵ Зеелер В. К. Д. Бальмонт (К восьмилетию дня кончины) // Русская мысль (Париж). 1951. 5 янв. № 308. С. 4–5. Перепечатано в кн.: Константин Бальмонт глазами современников. Воспоминания. Письма. Дневники. Поэтические посвящения. Подражания, эпиграммы, пародии. Шаржи / Вступ. статья Л. Н. Таганова; сост., подг. текстов, прим. и комм. А. Ю. Романова. СПб., 2013. С. 211–214.

⁶ См.: *Бонгард-Левин Г. М.* Письма и стихотворения К. Д. Бальмонта В. Ф. Зеелеру // Россия и проблемы Европейской истории: средневековье, новое и новейшее время: Сб. статей в честь члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Михайловича Каштанова. Ростов, 2003. С. 265–275 (Сообщения Ростовского музея; вып. 13).

⁷ Из заявления Е. К. Цветковской в Союз писателей и журналистов (просьба о предоставлении пособия в 250 франков) (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library (Columbia University, New York). Ms Coll Sojuz Russkikh Pisatelei. Box 1).

⁸ Денежное пособие от сербского правительства, которое, по решению короля Александра I Карагеоргиевича, ежемесячно выплачивалось известным русским писателям (в том числе и Бальмонту) начиная с 1928 года.

новые отбытия. Настроение у всех хмурое, тревожное и подавленное».⁹ А в сентябре 1939 года была арестована Мирра, не успевшая продлить удостоверение личности (*carte d'identité*). «Что делать, что делать?! — вопрошала Елена Константиновна в своем письме к Зеелеру 30 сентября, написанном в состоянии крайнего смятения. — К кому пойти просить о снятии этой чудовищной безжалостной кары с матери четверых детей, которая виновна лишь в слепоте материнства своего, вечной безысходной нищеты и всех нескончаемых бед, болезней и несчастий, с ней связанных. Монет у нас сейчас никаких и жить уже не на что <...> А положение М<ирры> в тюрьме ужасно. Необходимо посылать ей, чтобы не голодала. И мерзнет. И окружение самое мучительное. Ужас. Отчаяние. Гибель бесславная. Жизни больше нет — одна ежесекундная попытка за несчастную дочь и мысль — как спасти. Научите, дорогой».¹⁰

Из тюрьмы Френ, где она находилась с 19 сентября 1939 года, Мирра писала матери отчаянные письма (по-французски — писать на другом языке не позволялось). «Дети остались дома с Борисом, — сообщала она 21 сентября. — Я не знаю, пришли ли деньги, которые З<еелер> должен был прислать от твоего имени, и я очень тревожусь, думая о том, что у Бориса,¹¹ возможно, совсем ничего нет для детей».¹²

Мирра провела в тюрьме шесть недель («в тяжких условиях — как иностранка», — сообщала Цветковская Зеелеру 31 октября).¹³

А в октябре 1939 года Бальмонт постиг новый удар: умерла «Нюша» — Анна Николаевна Иванова, давняя приятельница Бальмонта, которую в 1920 году ему удалось вывезти — вместе с Еленой и Миррой — из Советской России. А. Н. Иванова жила во Франции отдельно от Бальмонта и Цветковской, но была фактически членом семьи. После ее ухода Бальмонт и Елена Константиновна (оба ездили в Париж на похороны) стали еще глубже ощущать свое одиночество. Горечь утраты не покидает их долгие месяцы.

Откликаясь 19 апреля 1940 года на поздравительное письмо от Веры Зайцевой (жены писателя Б. К. Зайцева), полученное к Светлому Воскресенью, Цветковская вспоминала: «Вера, милая, спасибо за письмецо — получила его как раз сегодня утром и стало светлее на душе, что хоть через преграду строк мы все же в этот день вместе в мыслях о нашей милой Нюшеньке — ушедшей в Неведомое и Незримое, но не угасшей Лампаде. Душой были с Вами в этом лесном кламарском храмике,¹⁴ где мы не однажды были с Поэтом у Светлой Заутрени вместе с Мариной Цветаевой, Алей, Муром и С<ергеем> — светлыми, озаренными и которых больше уже нет — для нас — и на земле ли они — тоже неведомо. И однажды, в первую кламарскую Пасху, кажется, и Нюшенька была там с нами».¹⁵

⁹ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll Zeeler. Box 10. Все ссылки на этот источник даются в дальнейшем тексте сокращенно: Бахметевский архив. Фонд В. Зеелера.

¹⁰ Там же.

¹¹ Видимо, Борис Аутин — муж Мирры.

¹² РГБ. Ф. 374. Карг. 9. Ед. хр. 29. Л. 1; оригинал — на французском языке (перевод мой. — К. А.).

¹³ Бахметевский архив. Фонд В. Зеелера. В письме к Цветковской от 21 сентября 1939 года Мирра сообщала, что ее осудили на два месяца и штраф в 100 франков (РГБ. Ф. 374. Карг. 9. Ед. хр. 29. Л. 1).

¹⁴ Бальмонт и Цветковская жили в Клараме в 1932–1934 годах.

¹⁵ РГБ. Ф. 374. Карг. 11. Ед. хр. 34. Л. 4; упоминаются М. И. Цветаева, А. С. Эфрон, Г. С. Эфрон и С. Я. Эфрон. Цитируемый фрагмент частично использован в статье: *Азатовский К.* Цветаева и Бальмонт (к истории знакомства) // Звезда. 1992. № 10. С. 184. О пасхальной заутрене в Клараме, «у которой мы семь лет подряд стояли с ним, плечо с плечом», Цветаева вспоминала в своем «Слове о Бальмонте» (1936) (см.: *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. С. 277).

Это письмо к Вере Зайцевой было написано еще до германского вторжения во Францию (официальная дата — 10 мая 1940 года). Но уже через несколько дней немцы, продвигаясь к Парижу, вошли в Нуази-ле-Гран. О том, что происходило в этом маленьком городе до и после падения Парижа и капитуляции Франции, рассказывает публикуемое ниже письмо Цветковской от 20 июля 1940 года — яркий документ, освещающий душевное состояние и повседневный быт Бальмонтов в тот критический момент французской истории.

Оригинал письма хранится в Бахметевском архиве (Колумбийский университет, Нью-Йорк) в фонде В. Зеелера. Публикуется полностью¹⁶ с сохранением особенностей оригинала.

1940, 20, VII. Noisy le Grand. S<eine>/O<ise>
101, Rue Rouget de L'Isle¹

Многоуважаемый и дорогой
Владимир Феофилович,

Как и где все вы? Здоровы ли и благополучны ли, хотя бы относительно?

Лишь сегодня восстановилась у нас почтовая возможность со всеми департаментами Франции, однако без обещания скорого достижения письма. Даже из Парижа приходят письма на четвертый, а иногда и на 6-й день.

Мы с Константином Дмитриевичем, как видите, еще живы, хоть еле-еле и далеко неблагополучно, однако и не больны ничем, кроме денежного, телесного — (полного) — и душевного изнурения и изнеможения.

Никуда не двигались, хоть кругом все были объаты паникой бегства — «не знаем — куда, но только дальше, возможно дальше!» С 11-го июня мы были отрезаны от Парижа.² В течение трех суток шла непрерывная битва и пальба со всех сторон. И по нашей дороге, мимо окон, двигались сотни и сотни бегущих на огромных подводах, нагруженных детьми и женщинами с остановившимися обезумевшими лицами, влекомые восьмью волами, автобусы, тележки на осликах и тележки, влекомые человеческими призраками, с разваливающимся скарбом и младенцами, велосипедисты и велосипедистки и неисчислимые пешие с пожитками и дикими взорами. Потом потащились растерзанные рати отступающих солдат, лошадей, осликов, мулов, и предельное изнурение животных казалось еще более жутким, чем человеческое. Это длилось трое суток, дни и ночи напролет, под испуганный грохот пальбы и вой самолетов. На рассвете четвертого дня раздался властный и твердый стук подков вступивших победителей...

С тех пор мы в военном стане. Здесь в Нуази до 3000 солдат. Заняты почти все павильоны. У нас наверху тоже жили до сегодня, но сегодня выселились, так как вернулась хозяйка-собственница. В Русском Доме³ было сначала около 30 солдат, но сейчас осталось 14 человек и 12 лошадей. Все же обитателей — их всего 6 человек — не изгнали и взаимоотношения установились вполне приличные и даже с дружественным уклоном. Но шумно и беспокойно, конечно, как в казарме. У нас тоже были вполне вежливые и приличные поселенцы. Но все же тяжело, душно и *невероятно*, что это действительность, а не жуткое сновидение. У Поэта⁴ именно такое видение было еще когда мы жили на Chilperic'e.⁵ Но сейчас, когда оно стало явью, он говорит, что не может понять этого и не поймет до смерти.

¹⁶ Несколько фраз этого письма приводятся во вступительной статье к кн.: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926–1936. С. 32.

Да, случилось самое невероятное, более невероятное, чем даже воцарение у нас большевиков, ибо их мы все же предвидели и предчувствовали за годы...

Мы же с Поэтом близимся к гибели с большей достоверностью, чем у большевиков, ибо грошей *НИКАКИХ*. Сербы в Виши⁶ и вернутся ли в Париж и когда, и смогут ли по-прежнему давать нам — ничего неизвестно.⁷ Иных возможностей — нет. Некоторое время нас выручал самоотверженный Як<ов> Ал<ександрович> Ландау,⁸ котор<ому> близкие оставили немного монет, но теперь и он впал в безденежье, и вообще все обитатели Р<усского> д<ома> еле дышат <так!>, но все же не в такой полной беде, как мы. Два дня еще кое-как смогу кое-как подкормить Поэта его кашицами, и то дарованными, а дальше уж и его нечем будет поддерживать, сама же держусь как-то садовым даровым крыжовником и смородиной да иногда кусочком хлеба, тоже дарованным. Зайцевы⁹ обещали похлопотать в Московск<ом> Земл<ячестве>¹⁰ хоть о малой помощи, но вот уж почти 2 недели прошло с обещания, и ничего еще не получили. Сами они пока держатся сбором с вечера,¹¹ кот<орый> им устроили как раз перед событиями.¹²

Если, дорогой Владимир Феофилович, у Вас сохранились еще монеты для нас¹³ и возникнет возможность послать их нам, пожалуйста, сделайте это. На здешней почте мне сказали, что с сегодня можно и mandat посылать.¹⁴ Но, конечно, если Вы и сможете послать, получатся они не скоро. Все же буду пытаться как-то протянуть нить, хоть не вижу к тому ни пути, ни тропки.

Но независимо от посылы, хотим оба и просим весточки от Вас и о всех дорогах Ваших.

Не собираетесь ли вернуться в Париж?¹⁵

Хочется верить, что еще свидимся.

Да хранит вас всех судьба и всего благого.

Ваша

Е. Бальмонт

Р. S. Наклеиваю марку 2,50 не по изменен<ному> тар<ифу>, а ибо другой нет, ни сантимов на покупку.

¹ 20 июля 1940 <года>. Нуази-ле-Гран (С<ена> и У<аза>) ул. Руже де Лиля, 101 (фр.). По этому адресу Бальмонты жили начиная с сентября 1938 года. См. в письме Бальмонта и Цветковской к В. А. Зайцевой от 17/30 (так в оригинале!) сентября 1938 года: «Мы на новоселье — хижина светла, но пуста. Все же отдыхаем — „у себя“. <...> Соберитесь и навестите нас — заброшенных отшельников» (Бахметевский архив. Фонд Зеелера).

² 11 июня 1940 года — дата падения Парижа: в этот день в город вошли отряды вермахта.

³ Один из домов-пансионов, открытых во Франции миссионерско-благотворительной организацией «Православное дело» (1935–1943) во главе с матерью Марией (Е. Ю. Скобцовой). Предназначался для помощи русским эмигрантам (одиноким, престарелым, больным и др.). Основателем и бессменным директором «Русского Дома» в Нуази-ле-Гран был Ф. Т. Пьянов (1889–1969), секретарь «Православного дела».

⁴ Так Цветковская именovala в своих письмах Бальмонта.

⁵ На авеню Шильперик в Нуази-ле-Гран Бальмонты жили с января 1937-го до августа 1938 года. Шильперик — король из династии Мервингов (VI век н. э.).

⁶ Имеется в виду югославское посольство, переехавшее в Виши (провинция Овернь) — город в Свободной зоне Франции, где в 1940 году обосновалось коллаборационистское правительство маршала Петена.

⁷ Речь идет о сербском пособии. Из письма Цветковской к В. А. Зайцевой (сентябрь 1940 года) явствует, что «пенсия» впоследствии возобновилась (РГБ. Ф. 374. Карт. 15. Ед. хр. 66. Л. 10).

⁸ Я. А. Ландау — младший брат писателя Марка Алданова (наст. фамилия — Ландау), покинувшего Париж в мае 1940 года. В письме к Зеелеру от 16 ноября 1938 года Цветковская

сообщала о получении — через Я. А. Ландау — 200 франков в качестве вспомоществования (Бахметевский архив. Фонд В. Зеелера).

⁹ Имеются в виду Б. К. Зайцев и его жена В. К. Зайцева (урожд. Орешникова).

¹⁰ Московское землячество во Франции, возникшее в 1922 году, занималось благотворительной деятельностью, помогало нуждающимся русским людям. Б. К. Зайцев был одним из членов правления.

¹¹ Имеется в виду литературно-художественный вечер в пользу Б. К. Зайцева, устроенный 9 июня 1939 года в парижской русской Консерватории Сергея Рахманинова. См.: Русское Зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940. Франция: В 4 т. / Под общ. ред. Л. А. Мнухина. М., 1996. Т. 3. С. 579.

¹² То есть летом 1939 года (3 сентября 1939 года Франция и Великобритания объявили войну Германии).

¹³ Речь идет о пожертвованиях для Бальмонта, время от времени поступавших в правление Союза русских писателей и журналистов или в редакцию газеты «Последние новости».

¹⁴ То есть почтовым переводом.

¹⁵ Весной 1940 года (перед приходом немцев) В. Ф. Зеелер с семьей покинул Париж. В 1941 году был заключен в лагерь Компьень, из которого ему позднее удалось освободиться.